Аксинья холодеющими губами. ≠

Даже в гнетущем сне мерещилось ей иногда, что вот, у колен ее ластится ребенок, и ~~[illegible]~~ ловила себя на том, что тянется рукой ~~[illegible]~~ курчавую головку.

[illegible] На третий день после приезда Евгений до позна просидел у деда Сашки в конюшне, слушая бесхитростные его рассказы о былой привольной на Дону жизни, о старине. Он вышел оттуда в девятом часу. На дворе полоскался ветер, слякотно чавкала под ногами грязь. ~~Из-за туч~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ при свете его Евгений глянул на часы, направился в людскую. У крыльца он закурил, на минуту остановился, раздумывая, ~~потом~~ и, тряхнув плечами, решительно ступил на крыльцо ~~щеколду~~, нажал осторожно, и дверь скрипнув отворилась. Он вошел в Аксиньину половину, чиркнул спичкой.

— Кто ~~[illegible]~~ — спросила Аксинья, натягивая на себя одеяло.

— Это я.

— Я сейчас оденусь.

— Ничего, я на минутку.

Евгений сбросил шинель, сел на кровать.

— У тебя умерла дочушка...

— Умерла... — эхом откликнулась Аксинья.

— Ты ~~от~~ очень изменилась. Еще бы, я понимаю, что значит потерять ребенка. Но мне думается, что ты напрасно изводишь себя, к жизни ее не вернешь, а ты еще в достаточной степени молода, чтобы иметь детей. Не надо так. Возьми себя в руки, смирись... В конце концов не все потеряно со смертью ребенка, у тебя еще, ~~по~~ пожалуй, вся жизнь впереди.

Евгений ~~[illegible]~~ руку Аксиньи, гладил ее с ласковой властностью, говорил, играя бархатными низами голоса. ~~[illegible]~~ Он перешел на шепот и ~~[illegible]~~ как ~~[illegible]~~ Аксинья вся сотрясается, стал целовать ее мокрые от слез щеки, глаза...

Падко бабье сердце на жалость, на ласку. В ~~приступе~~ ~~буйного~~ отчаянья Аксинья ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~, не помня себя, отдалась ~~[illegible]~~ со всей бурной, давно забытой страстностью. ~~А когда~~ Схлынула ~~[illegible]~~ опустошительная волна бесстыдного наслаждения, она ~~[illegible]~~, резко вскрикнула, ~~[illegible]~~ теряя рассудок и стыд, ~~в одной~~ полуголая, в одной рубахе, на крыльцо выбежала. За ним, бросив дверь открытой, торопливо вышел Евгений. Он на ходу одел шинель, испытывая тревогу и удовлетворение, запахнувшись, поднялся на террасу дома — засмеялся радостно, довольно. Его подмывало бодрящее веселье. Уже лежа в постели, потирая ложбинку между грудей, подумал: «С точки зрения честного человека — это подло, безнравственно. Григорий... Я обворовал ближнего... Но ведь я ~~[illegible]~~ там на фронте рисковал жизнью. Почти же убит — случись, что пуля взяла правее и продырявила

— мне голову? Теперь я истлевал бы, моим телом копались бы черви... ~~теперь~~ жадно ~~[illegible]~~ каждый миг. Мне все можно.» Он на минуту ужаснулся своим мыслям, но воображение вновь ~~нарисовало~~ ~~[illegible]~~ страшную картину атаки и тот момент, когда он поднялся с убитого коня и упал, скошенный пулями. Уже засыпая, решил с утра успокоенно: «Завтра о этом, а сейчас спать, спать!»